

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ФОЛЬКЛОРА И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ М.Ф.РЫЛЬСКОГО

На правах рукописи

ШИЛИПЕНКО Михаил Федорович

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БЕЛОРУССИИ
(НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ)

07.00.07 - этнология (этнография)

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Киев -- 1991

АВ 25 381

Работа выполнена на кафедре археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин Белорусского государственного университета имени В.И.Ленина.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
В.Ф.Горленко,

доктор исторических наук,
профессор Ю.Г.Гонимко,

доктор филологических наук,
член-корреспондент АН Беларуси,
профессор А.И.Журавский.

Ведущая организация - кафедра этнологии Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Защита состоится 12 февраля 1992 г. на заседании специализированного совета Д0163601 по присуждению ученой степени доктора наук в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии имени М.Ф.Рыльского (252001, Киев-1, ул.Грушевского 4, IV этаж, кинозал) в 14 часов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института искусствоведения, фольклора и этнографии имени М.Ф.Рыльского.

Автореферат разослан "22" декабря 1991 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

Микитенко О.С.Микитенко

АНБ ім. В. Стефаніка
АН УРСР

ЛНБ України ім.В.Стефаніка
00816099 (X)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы исследования. Изучение процесса возникновения этнической территории белорусского народа — одна из важных задач современной белорусской этнологической (этнографической) науки. Научное решение ее необходимо для познания много-стороннего процесса формирования самого этноса, ибо возникновение белорусской этнической территории характеризует пространственные параметры белорусского этногенеза. Оно позволяет ставить вопрос о первоначальной территории формирования этноса, определить ее ядро, центр и тем самым выявить территориальное направление консолидационных процессов в этногенезе белорусов. Установление времени возникновения этнической территории народа является также одним из условий определения конкретных хронологических рамок формирования самого этноса. Выяснение первоначального названия этнической территории имеет существенное значение для объективного решения вопроса о начале зарождения нового этнического самосознания, так как самоназвание этноса очень часто связано с названием этнической территории и нередко происходит от него. Исследование процесса возникновения этнической территории предполагает и выявление предков этого народа, ареалов их расселения с начала этногенеза и до сплочения в новый этнос, перемещений различных групп населения накануне возникновения новой этнической территории. Решение этой проблемы помогает определить и время их консолидации в новый этнос, узнать пути формирования субэтносов данного этноса и истоки этногенетических связей с соседними народами, а также с предшествующими общностями.

Поиски ответов на эти вопросы особенно актуальны на современном этапе исторического развития белорусского этноса, когда он вступил на путь коренных изменений в организации производства, укладе социальной жизни, духовной культуре, когда перед ним во всей полноте встали задачи возрождения национальной культуры, развития национального самосознания, расширения сферы использования национального языка, укрепления национального государства. Эти вопросы особенно актуальны и потому, что чернoбыльская трагедия в значительной степени обострила современную драматическую ситуацию, преодоление которой требует от белорусской нации напряжения всех духовных сил, в том числе и более глубокого изучения

национальной истории, ее важнейших проблем, к которым относится и возникновение этнической территории, происхождение белорусского народа.

Актуальность исследования проблемы возникновения белорусской этнической территории обусловлена еще и тем, что в изданных книгах высказаны различные, нередко противоположные мнения об истоках белорусской этнической территории, о времени и ареале ее формирования, о первоначальном названии, о предках, создавших этот этнический ареал, об условиях и путях его формирования, о происхождении белорусского этноса. Широкий спектр мнений об этом процессе характерен не только для современной, но — и предшествующей историографии.

Историография. Общий обзор историографии по проблеме белорусского этногенеза написан В.К.Бондарчиком и И.В.Чаквиним (1985), а до них — В.В.Седовым (1970), Я.М.Гринблатом (1968) и В.И.Пичетой (1946). В этих работах наряду с историографическим анализом многих вопросов этногенеза белорусов попутно сказано и о взглядах ученых о возникновении белорусской этнической территории. Необходимо подвести итог, оценить научное наследие по проблеме возникновения белорусской этнической территории в свете современных теоретических представлений об этнических процессах и новейших данных всего комплекса источников, выяснить современное состояние историографии проблемы.

Можно считать совершенно устаревшими взгляды ряда ученых, как польских (С.Линде, 1816; Л.Голембиовский, 1830; А.Рыпинский, 1840), так и великорусских (А.Востоков, 1816; А.Соболевский, 1885; И.Срезневский, 1887), отрицавших существование белорусской этнической территории. Первые считали ее составной частью территории польской этнической общности, вторые полагали, что она является составной частью этнической территории великорусского народа. Основным доводом и тех, и других было неверное утверждение, что белорусский язык не является самостоятельной славянской лингвистической единицей. Первые считали его диалектом польского языка, вторые — великорусского. Ошибочность их взглядов была убедительно продемонстрирована Е.Ф.Карским в его многотомном труде "Белоруси". Он доказал, что белорусский язык является отдельным самостоятельным славянским языком, входящим по своему словарному составу, синтаксису, морфологии и фонетике в группу восточнославян-

ских языков наравне с великорусским и украинским. Следует отметить, что приверженцев взгляда, отрицающего существование белорусской этнической территории, немного.

Большинство авторов признает белорусскую этническую территорию самостоятельным этническим явлением, а белорусский народ — самостоятельным славянским этносом. Однако они придерживались различных мнений об истоках белорусской этнической территории.

Весьма давно, еще в середине предыдущего столетия, было высказано мнение, в частности М.Без-Карниловичем (1855), о том, что истоком белорусской этнической территории является ареал расселения кривичей, а сами кривичи являются предками белорусов. Эта точка зрения была поддержана М.Погодиным (1867) и другими историками. В 20 в. ее настойчиво пропагандировал В.Ластовский (1926). Он даже предлагал изменить название белорусской этнической территории, именовать ее не Белоруссией, а Кривией. "Кривичская" концепция ошибочна, т.к. нет хронологической последовательности, непосредственной связи исчезновения этнической общности кривичей и появления белорусского этноса. Первая исчезла к середине 12 в. Белорусский этнос к этому времени еще не сформировался, общеполорусского комплекса языка и культуры тогда еще не было. Кроме того, серьезный недостаток этой концепции состоит также в том, что ей противоречат региональные особенности языка и культуры белорусского этноса. Она не может удовлетворительно объяснить возникновение этнических черт южнобелорусского населения, ибо этническая общность кривичей занимала только северную и центральную части территории современной Белоруссии.

С давнего времени (еще со второй половины 19 в.) было также высказано мнение, что истоком белорусской этнической территории является ареал расселения двух этнических общностей — кривичей, дреговичей (М.Коялович, 1867), трех этнических общностей — кривичей, дреговичей и радимичей (В.Карский, 1904; М.Довнар-Запольский, 1909; В.Пичета, 1946 и др.). Хотя взгляды этих ученых избежали крайней односторонности приверженцев "кривичской" концепции, тем не менее и они не выдерживают строгой научной критики. В значительной степени они опровергаются теми же доводами, какими аргументируется ошибочность "кривичской" концепции. Между этими этническими общностями, с одной стороны, и белорусским этносом — с другой, нет непосредственной преемственности. Дреговичи, ради-

мичи, кривичи как этнические общности исчезли к середине 12 в., а общелитовского комплекса языка и культуры в это время еще не было. Противоречат этой концепции и общие особенности языка и культуры северобелорусского населения, т.к. там проживали прежде две этнические общности — кривичи и радимичи. Попытки М.Я.Гринблата обнаружить следы кривичей, радимичей и дреговичей в локальных особенностях традиционной культуры и разговорной речи белорусского этноса не получили достоверного обоснования. Не были в полной мере прослежены ареалы распространения тех явлений, которые М.Я.Гринблат считал дреговичскими (тип сохи, особенности речи — дифтонги *уѣ, Іѣ*), и что особенно важно, неверно датирован ряд явлений (например, тот же тип сохи). Ошибочность датировок М.Я.Гринблата совершенно очевидна в свете новейших лингвистических, археологических и этнографических исследований.

Давней по времени является и концепция об общевосточнославянских истоках белорусской этнической территории. Возникновение этой концепции относится к первой половине 19 в. Ее начало положил К.Калайдович (1822), рассматривавший разговорную белорусскую речь как самостоятельный славянский язык, предком которого считал общевосточнославянский (древнерусский). Точка зрения К.Калайдовича была поддержана впоследствии лингвистами Ф.Филиным (1972), А.Журавским (1985), а также историками (Е.Корнейчик, 1969 и др.) и этнографами (В.Бондарчик и И.Чаквин, 1985 и др.). Основным аргументом обоснования концепции о древнерусских истоках белорусской этнической территории является лингвистический. Лингвисты доказывают генезис белорусского языка из общевосточнославянского. В подтверждение этой концепции привлекали также этнографические материалы (В.Бондарчик и И.Чаквин, 1985). Однако в последние годы выяснилось, что концепция о древнерусских истоках белорусской этнической территории недостаточно разработана и аргументирована, что дало основание ряду современных авторов (Н.Ермолович, 1990; Г.Штыхов, 1989 и др.) поставить под сомнение ее правомерность и вывод о существовании в прошлом древнерусской (общевосточнославянской) этнической общности. Подвергнуто обоснованной критике представление о времени формирования общевосточнославянской (древнерусской) этнической общности. Она датировалась 6–9 вв., что не подтверждается материалами, относящимися к белорусской этнической территории. Не были исследованы локальные особенности традиционной культуры и разговорно-

го языка общевосточнославянской этнической общности на территории современной Белоруссии. Не ясны были пути формирования белорусской этнической территории из древнерусской.

Заметным явлением в современной историографии стала "балтская" теория об истоках белорусской этнической территории. Ее сущность состоит в том, что непосредственными предками белорусов считаются две группы населения: балтская и славянская, смешение которых на территории современной Белоруссии привело к возникновению белорусского этноса, его этнической территории. Приверженцы этой концепции говорят не только о существовании балтских истоков белорусской этнической территории, но и большом их значении в белорусском этногенезе. Эти балтские истоки якобы определили контуры и специфику белорусской этнической территории в отличие от украинской и великорусской. Перечень аргументов для обоснования этой точки зрения наиболее полно изложил археолог В.Седов в монографии "Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья" (1970). На спорность общих научных принципов "балтской" теории (в частности — игнорирование ее экономической, политической истории) обращено внимание в работах В.Бондарчика (1972, 1979, 1989), В.Бондарчина и И.Чаквина (1985). Неправомерность использования ряда этнографических фактов для обоснования этой концепции была отмечена М.Гринблатом (1969). Она вызвала возражения некоторых археологов (П.Третьяков, 1969; Л.Поболь, 1990) и лингвистов (Г.Хабургаев, 1972). Однако анализ этой теории был неполным. Многие конкретные аргументы, использованные В.Седовым для ее обоснования (особенно лингвистические, а также ряд этнографических), в критических обзорах рассмотрены не были. Не все аргументы, на которые ссылался В.Седов, подверглись научной проверке. Не были исследованы пространственные и временные параметры многих явлений, считавшихся доказательствами верности "балтской" концепции. И — самое главное — не получили конкретного положительного решения вопросы, поставленные В.Седовым о времени и путях формирования белорусской этнической территории.

Оригинальным явлением в современной историографии стала гипотеза о финском субстрате в белорусском этногенезе, о значительной роли финского элемента в формировании белорусской этнической территории, высказанная И.Ласковым (1983). Он ссылается на бытование ряда гидронимов финского происхождения на территории современной Белоруссии. Однако эта любопытная теория не подтверждается дати-

ровкой процессов ассимиляции финноязычного населения на территории Белоруссии. Они относятся к очень древнему времени, когда белорусский этнос еще не формировался.

В конце 19 в. было также высказано предположение о западнославянских истоках белорусской этнической территории, западнославянском (польском) субстрате в этногенезе белорусов. Его автор — А.Шахматов (1899). Он обратил внимание на некоторые особенности белорусского языка, в частности "дзеканье", полагая, что корни этого явления — польские. Ошибочность данной теории была доказана Р.Аванесовым (1947), а затем Ф.Филиным (1972). Однако реальная роль польского компонента в формировании белорусского народа и его этнической территории не была исследована.

Таким образом, вопрос о конкретных истоках белорусской этнической территории в научной литературе решен не был.

Это относится и к вопросу о времени возникновения белорусской этнической территории. Приверженцы "балтской" концепции полагают, что зарождение ее началось в 7-8 вв., со времени широкого расселения славян в Восточной Европе, а оформление завершилось примерно в 12-13 вв. Один из авторов этой гипотезы (И.Станкевич, 1942) даже утверждал, что белорусский этнос, белорусская этническая территория сложилась еще до появления кривичей, дреговичей и радимичей. Основной аргумент приверженцев "балтской" концепции (В.Седов и др.) — появление славянских вещей в начале этого процесса и исчезновение балтских — в его конце. Однако вещи сами по себе, вне связи с белорусским языком и названием, не являются доказательством возникновения белорусской этнической территории.

Временем возникновения белорусской этнической территории сторонники "кривичской" концепции считают 10-13 вв. н.э., но в отличие от приверженцев "балтской" теории они не аргументируют это утверждение. Примерно к этому же времени (12-13 вв.) относят возникновение белорусской этнической территории ряд ученых (М.Довнар-Запольский и др.), которые включают в нее ареал расселения не только кривичей, но и дреговичей и радимичей. Из этой группы ученых только Е.Карский (1904), а впоследствии В.Пичета (1946) попытались решить данный вопрос на основе лингвистического материала. Е.Карский определил время формирования белорусского этноса, белорусской этнической территории 13-15 вв. Такая датировка с некоторыми уточнениями В.Пичетой в 1946 г. (14-16 вв.) стала весьма распространенной в научной литературе 40-60-х гг., осо-

бенно исторической и этнографической. Главным основанием этой датировки послужило определение Е.Карским времени формирования белорусского языка по его элементам. К сожалению, при решении данного вопроса во внимание не было принято то существенное обстоятельство, что язык надо рассматривать как систему, уже первоначально, во время его появления состоящую из диалектов. Это не позволило Е.Карскому точно определить хронологические рамки возникновения белорусского языка (особенно его нижние границы). Решение вопроса о возникновении белорусской этнической территории Е.Карский и В.Пичета не увязывали в должной мере с появлением общего названия всего ареала. Сторонники концепции западнославянского и финского субстратов в формировании белорусской этнической территории последний аспект не рассматривали вовсе. Эти концепции не могут удовлетворительно ответить на вопрос о времени возникновения белорусской этнической территории. Выводы работ приверженцев взгляда о древнерусских истоках белорусской этнической территории и их аргументация весьма сходны с теми, которые есть в научных сочинениях Е.Карского. Различие состоит лишь в том, что начало данного процесса в основном определяется 14 в., а конец — 16 в.

Таким образом, критический обзор историографии позволяет сделать вывод, что в научной литературе нет достоверного решения вопроса и о времени возникновения белорусской этнической территории.

Примерно такое же состояние изученности и следующего важного аспекта проблемы — появление общего названия всей белорусской этнической территории, его конкретной формы. Утверждение сторонников "кривичской" концепции, что вся белорусская этническая территория называлась Кривией, не подтверждена фактическим материалом. Этому противоречат факты, согласно которым соседний латышский этнос называет Кривией территорию Великороссии, а белорусскую этническую территорию, как и его сосед — литовский этнос, — Балторуссией, т.е. Белоруссией. Белоруссией называют ее соседние польский и украинский этносы. Утверждение о том, что первоначально белорусская этническая территория называлась "Белой Русью" (Е.Карский, 1904), не было в достаточной степени обосновано. Приводились доказательства лишь относительно ее северо-восточной части, в частности — Полотчины. Весьма спорно и высказывание современных авторов (Н.Ермолович, 1990; Е.Ширяев, 1991 и др.) о том, что

первоначально вся белорусская этническая территория называлась "Литва". Само название они рассматривают вне связи с формированием белорусского языка и комплекса традиционной белорусской культуры, предшествующими традициями. Ими не проанализировано соотношение этнической и политической территории в ту эпоху. Таким образом, и возникновение общего названия всей белорусской этнической территории не получило обоснованного решения.

В первоначальном, гипотетическом состоянии находится в историографии и вопрос о путях возникновения белорусской этнической территории, ее ядра, центра.

К этому следует добавить, что в научных работах нет и критического анализа источников о белорусском этногенезе.

Итак, обзор историографии о возникновении белорусской этнической территории дает основание сделать вывод, что эта важная проблема не получила современного научного решения.

Цель и задачи диссертации. Цель работы -- изучить многосторонний процесс возникновения белорусской этнической территории. Основные задачи исследования следующие:

- научно обосновать понятие этнической территории;
- разработать новый теоретический подход к изучению проблемы возникновения белорусской этнической территории;
- критически рассмотреть источники по данной проблеме;
- определить тип этнической общности кривичей, дреговичей и радимичей;
- выявить локальные различия в языке и традиционной культуре восточнославянского населения на территории Белоруссии в общевосточнославянский период;
- определить время и первоначальный центр возникновения белорусской этнической территории;
- изучить пути возникновения белорусской этнической территории;
- установить первоначальное название всей белорусской этнической территории.

Источники. Для решения этих задач привлечены разнообразные источники -- письменные памятники, этнографические, археологические, лингвистические материалы, данные антропологии. Важнейшее значение среди обширного комплекса источников имеют письменные памятники: прежде всего -- "Повесть временных лет" (12 в.), "Сло-

во о полку Игореве" (12 в.), Полоцкие грамоты (13-16 вв.), Бело-русско-Литовские летописи (16 в.), Статуты Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского (16 в.) и другие документы, а также ценная информация, содержащаяся в трудах В.Н.Татищева. Письменные памятники имеют исключительно важное значение для исследования этнических процессов эпохи средневековья. Они являются опорными как для данных восточнославянской этнографии и фольклористики, так и для данных археологии, относящихся к этому периоду. В них содержится также ценнейший лингвистический материал по этнической истории средневекового периода, как раннего, так и позднего. Причем по этнической истории позднего средневековья письменные источники содержат больше лингвистического материала, чем по истории раннего средневековья. Лингвистический материал, имеющийся в них, позволяет эффективно использовать данные о восточнославянских диалектах, собранные в более позднее время, помогает установить их историческую глубину, датировать их, определить нижние границы хронологических рамок бытования тех или иных восточнославянских диалектов, их составных элементов. Кроме того, в письменных источниках есть данные об экономической, социальной, политической истории как позднего, так и раннего средневековья, о крупных исторических событиях, являвшихся в то время важными факторами этнических процессов.

Важным источником диссертационного исследования послужили также этнографические материалы. Они содержатся в таких ценных публикациях, как "Народная сельскохозяйственная техника белорусов" (1974), "Белорусское народное жилище" (1973), "Материальная культура белорусов" Л.Молчановой (1968), "Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов" В.Титова (1983). Для сравнения данных о белорусах с информацией о других этнических общностях Восточной Европы использована сводка этнографических материалов в фундаментальных изданиях "Древняя одежда народов Восточной Европы" (1986), "Древнее жилище народов Европы" (1975). Информация о явлениях духовной культуры белорусов и других этнических общностей Восточной Европы почерпнута в богатых академических изданиях белорусского фольклора "Зимние песни. Колядки и щедровки" (1975), "Волочёбные песни" (1980), а также в академических сборниках "Славянский и балканский фольклор" (1986), "Этническая история и фольклор" (1972). Данные этнографии позволили изучить изменения

материальной, социальной и духовной культуры в позднем средневековье. Материалы по восточнославянской этнографии и фольклористике использованы в органической связи со сведениями письменных источников, которые помогли определить историческое время существования тех или иных явлений культуры, особенно нижние границы их хронологических рамок. Время возникновения отдельных явлений традиционной материальной культуры, зафиксированных восточнославянской этнографией, определено иногда с помощью данных археологии.

В диссертации широко использованы археологические материалы, и прежде всего — обширная информация о возникновении и первоначальном развитии городов на территории современной Белоруссии: Бреста, Волковыска, Пинска, Слуцка, Клецка, Гродно, Несвижа, Лиды, Новогрудка, Заславля, Минска, Речицы, Могилева, Лукомля, Полоцка, Витебска, Орши и др. Она содержится в монографиях, посвященных отдельным городам (Брест, Волковыск, Минск) или группе городов определенных регионов (Туровщины, Понеманья, Полотчины). Автор использовал также сводки археологических материалов на более ранних этапах истории белорусского края, в частности — археологические карты Белоруссии о памятниках каменного, бронзового века (1968, 1976) и сводки археологических материалов о разных периодах древней истории Восточной Европы, имеющиеся в нескольких обширных монографиях М. Гимбутас (1956, 1963, 1965, 1971, 1974). Археологические материалы позволяют проследить не только зарождение и первоначальное развитие городов, но и древние миграции. Они помогают изучить эволюцию местной материальной культуры, изменение которой является составной частью этнических процессов, определить ареалы распространения трех или иных элементов материальной культуры. Значение данных археологии особенно велико для исследования этнических процессов тех эпох, когда не было письменных источников, в частности — в каменном, бронзовом и раннем железном веках. При изучении этнической истории эти материалы сопоставлялись с данными исторического языкознания. Археологическая информация более позднего периода (эпохи средневековья), когда появляются письменные памятники, сопоставлена с ними.

В комплексе источников, использованных в работе, значительное место занимают данные исторического языкознания. Разнообразная лингвистическая информация почерпнута из сводок материалов В. Топорова и С. Трубачева "Лингвистический анализ гидронимов Верх-

него Поднепровья" (1962), В.Жучкевича "Краткий топонимистический словарь Белоруссии" (1974), Г.Хабургаева "Этнонимика Повести временных лет" (1974), Х.Станга "Общие черты лексики славянских, балтийских и германских языков" (1971), "Древнерусский язык полочких грамот" (1939), "Западнорусский язык канцелярии Великого Княжества Литвы" (1935), Е.Смулковой "Литуанизмы в белорусской земледельческой технике" (1969), Ю.Лаучоте "Словарь балтизмов в славянских языках" (1982), а также работ Ф.Филина "Происхождение русского, украинского и белорусского языков" (1972), П.Векслера "Историческая фонология белорусского языка" (1977), Т.Шевелова "Историческая фонология украинского языка" (1974). Среди лингвистических материалов, использованных для аргументации многих выводов, большое место отводится информации о древних гидронимах белорусского края, о древнейших терминах для обозначения явлений земледельческого и скотоводческого хозяйства и традиционной материальной культуры, о названиях населенных пунктов, фамилиях, а также данным о диалектных зонах общевосточнославянского языка и первоначальных диалектах старобелорусского языка.

Дополнительным источником к письменным памятникам, этнографическим, археологическим и лингвистическим материалам послужили данные антропологии, и прежде всего -- сводки антропологических материалов, собранных и систематизированных белорусскими учеными Л.Тегак, И.Саливон, А.Микулич в их публикациях, особенно в "Очерках по антропологии Белоруссии" (1976). Кроме того, в диссертации использованы сведения В.Бунака, собранные им в южной Белоруссии в 50-х годах 20 в. Сравнительной оценке указанных источников помогла научная информация, содержащаяся в трудах В.Алексеева и Т.Алексеевой. Данные антропологии ценны прежде всего тем, что позволяют установить, происходило ли смешение различных групп населения в период интенсивных этнических процессов. Ведь антропологический тип -- это цельное, не делимое на части явление. Для антропологических черт в отличие от элементов языка и материальной культуры не характерно заимствование. Данные антропологии, как и археологические материалы, не содержат информацию об этническом самосознании. Поэтому при исследовании этнической истории информация этого вида источников является ценной в сопоставлении с другими источниками -- данными исторического языкознания, этнографии, археологии, письменных памятников. В диссертации данные каждой нау-

ки использованы в сопоставлении. Только совокупность различных источников служит надежной базой достоверного решения поставленных в диссертации задач.

Методы исследования. Автором использован комплекс методов анализа источников. Его составляют структурный, сравнительно-исторический и диффузионистский методы. Весьма важное значение имеет структурный метод. Этническая территория является определенной системой, имеющей свою структуру. Структурный подход позволяет избежать многих методологических ошибок в исследовании проблемы, и прежде всего — отождествления этнической и политической, этнической и географической территорий, одностороннего решения проблемы, основанного только на одной из составных частей этой структуры, одной черте, одном признаке. Он дает возможность более полно рассматривать и отдельные признаки этнической территории, в частности — языка, исходя из того, что язык уже со времени своего возникновения имеет и пространственную структуру, отражающую ее территориальные, т.е. диалектные черты. Необходимо подчеркнуть, что диссертант пользуется не первоначальным структурным методом (оставляющим вне исследования эволюцию и диффузию и тем самым игнорирующим ряд других свойств такого сложного исторического явления, как этническая территория), а преобразованным, преодолевшим идеалистическую односторонность и антиисторический подход первоначального структурного метода. Преобразованный структурный метод не исключает, а наоборот, предполагает и выяснение генезиса каждой структуры, т.е. превращается в структурно-генетический.

При исследовании генезиса белорусской этнической территории в работе широко использованы сравнительно-исторический и диффузионистский методы. Наиболее часто в изучении этой сложной научной проблемы применялся сравнительно-исторический метод, ибо изменения культуры во времени являются важной чертой этнических процессов. Они характерны не только для социальных, культурных черт человеческих групп, но и их антропологических признаков. Сравнения всех этих явлений в различные, следующие друг за другом эпохи, на различных стадиях развития позволяют проследить трансформацию этнических территорий в новые. При этом учитывалась связь между явлениями, перестройка комплексов культуры. В диссертации применялся не первоначальный, а преобразованный сравнительно-исторический метод, привлекающий во внимание не только стадию, но и конкретные

условия развития таких явлений, а именно — конкретную географическую среду и конкретные хронологические рамки их бытования. В отличие от первоначального сравнительно-исторического метода, исключавшего или совершенно игнорирующего диффузию явлений культуры, преобразованный сравнительно-исторический метод не только не исключает диффузию, а органически дополняется диффузионистским методом, являющимся третьей, весьма важной частью способов исследования проблемы. Преобразованный диффузионистский метод преодолевает абсолютизацию диффузии, сведение к ней всего исторического процесса, отрицание эволюции явлений культуры. Эволюция и диффузия взаимосвязаны, обуславливают друг друга, представляют собой две стороны одного и того же процесса изменения культурного облика населения во времени и пространстве. Трансформированный диффузионистский метод преодолевает также свою первоначальную односторонность, ставит диффузию в конкретные исторические рамки, учитывает влияние на нее конкретных условий их бытования (особенно исторических, экономических, политических), определяющих направление диффузии и ареал распространения. Преобразованный диффузионистский метод обогащает способы исследования проблемы возникновения белорусской этнической территории, ее регионов. Диффузия выполняет важнейшую роль, объединяя людей одного этноса, свидетельствуя о культурных связях внутри него. Она связывает также этнические общности, указывая на заимствование ими друг у друга и распространение новых элементов культуры. Именно посредством диффузии происходит соединение различных элементов культуры и языка, возникает их своеобразное сочетание, характерное для этнической территории.

Научная новизна диссертации. В ней разработана новая концепция возникновения белорусской этнической территории. Она основана на новом теоретическом подходе к исследованию проблемы: определены признаки белорусской этнической территории, обоснована важная роль диффузии в ее возникновении, критически рассмотрены информациональные возможности источников по данной проблеме; выявлены непосредственные истоки белорусской этнической территории, пути и время ее возникновения, ее центр; установлено первоначальное название; аргументирована основная причина ее возникновения. В работе уточнено время формирования общевосточнославянских черт культуры, языка и названия территории Поприсятья, Полеманья, Подвижня и

Верхнего Поднепровья; изучены локальные различия в языке и традиционной культуре восточнославянского населения на территории современной Белоруссии в общевосточнославянский период. Автором уточнен уровень развития и тип этнической общности кривичей, дреговичей, радимичей; более полно проанализирована "балтская" концепция возникновения белорусской этнической территории; показана роль польской, а также балтской этнических групп в формировании некоторых культурных и лингвистических черт белорусского этноса и его территории.

Практическая значимость результатов исследования. Они представляют собой новое научное решение актуальной проблемы и открывают новые перспективы изучения ряда важнейших вопросов национальной истории (в частности -- этнической), формирования и изменения этнических границ, истории субэтносов белорусского этноса, истоков его этногенетических связей с соседними этническими общностями, истории культурного комплекса белорусского народа. Они могут стимулировать исследования в смежных с этнографией научных дисциплинах (археологии, антропологии) для проверки и уточнения ряда выводов по этнической истории Белоруссии. Результаты исследования будут опосредствовать развитию национального самосознания белорусского народа, могут быть использованы в школьном и вузовском преподавании национальной истории (в лекционных курсах по восточнославянской этнографии, особенно по этнографии Белоруссии). Выводы и материалы диссертации можно использовать в просветительской работе по формированию у населения Белоруссии научных представлений о важнейших вопросах национальной истории. Результаты и материалы исследования дадут возможность всем интересующимся данной проблемой сопоставить и самостоятельно оценить различные взгляды, мнения и гипотезы о белорусском этногенезе.

Апробация работ. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин Белорусского государственного университета имени В.И.Ленина, а также на заседании отдела этнографии Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН Беларуси. Основные принципы и результаты исследования апробированы также в докладах на Всесоюзной научной этнографической конференции "Традиции в многонациональном обществе" (1990, Минск), на первой белорусско-польской конференции историков (1991, Минск),

на всесоюзном семинаре "Метод в историческом исследовании" (1991, Минск). По теме диссертации опубликовано две монографии и ряд статей.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, указателя источников и литературы.

Во введении обоснована актуальность проблемы исследования, рассмотрено значение термина "Белоруссия", различные концепции возникновения белорусской этнической территории, изложено содержание "польской", "великорусской", "балтской", "кривичской", "юго-восточнославянской" концепций, взгляды Е.Ф.Карского, В.И.Щичеты, М.Я.Гринבלата и других исследователей, аргументирована необходимость нового исследования проблемы, определяются пути ее решения.

В первой главе рассматриваются теоретические аспекты проблемы возникновения белорусской этнической территории, выясняется содержание самого понятия "этническая территория", теоретически обосновывается новый способ исследования проблемы, анализируются научные принципы сопоставления источников. Этническая территория представляет сложное структурное образование, включающее в качестве составных черт распространение во всем ареале своеобразной системы языка и связанного с ним комплекса традиционной культуры, а также общего для этой культурной территории названия. При исследовании возникновения белорусской этнической территории необходимо учитывать и то обстоятельство, что она существует не обособленно, а органически включена в систему этнических территорий разного уровня — метаэтнических; собственно этнических (как территория одного этноса) и субэтнических. Автор обосновывается новый подход в способе исследования проблемы, необходимость творческого преобразования диффузионистского метода и его использования как важного научного средства решения поставленной в диссертации цели. Преобразованный диффузионистский метод рассматривается не как противоположность, отрицание современного сравнительно-исторического метода, а как необходимое дополнение к нему, что позволяет учесть и вторую сторону изменения культуры и языка — пространственную. Автор подчеркивает, что именно сочетание эволюции и диффузии и образует внутренний механизм дви-

жения этнических процессов. В главе проанализированы также информационные возможности различных видов источников -- антропологических, археологических, лингвистических, этнографических, данных письменных памятников. Сопоставление этих источников позволяет определить основное направление изменения этнического потока явлений культуры, его своеобразие в различные исторические периоды.

Во второй главе рассматриваются культурные, этнические черты древнейшего и древнего населения на территории Белоруссии, проживавшего в каменном веке и в эпоху раннего металла. В отличие от современного автора И.Ласкова (1989), считающего финские элементы одним из непосредственных истоков белорусской этнической территории, а древнее финноязычное население субстратом белорусской этнической общности, в работе аргументируется положение о том, что финские элементы вошли непосредственно не в культуру белорусского этноса, а стали компонентом языка и культуры балтских этнических общностей, которые ассимилировали местное древнее финноязычное население (в частности в Подвинье), и прямой связи с возникновением белорусской этнической территории не имеют. Прослежены также локальные особенности культуры индоевропейского населения на территории Белоруссии в эпоху раннего металла -- в бронзовом и раннем железном веке.

В третьей главе исследуется роль балтского субстрата в этнической истории населения на территории Белоруссии, доказывается вывод, что балты явились субстратом не белорусского этноса и даже не общевосточнославянского, а первоначальных восточнославянских этнических общностей дреговичей, кривичей, радимичей, обосновывается положение об их смешанном славяно-балтском происхождении. В этническом облике дреговичей преобладали славянские элементы. Язык их был славянским. Славянскими являлись такие элементы их культуры, как крупные металлические бусы, покрытые зернью, перстнеобразные височные кольца. Славянской была и дреговичская керамика. Славянские элементы характерны и для погребального обряда дреговичей. Умерших клали на костер обычно головой к западу. Особенно отчетливо славянские черты выражены в археологических памятниках дреговичей, расположенных в южной части их территории -- в районах, находящихся южнее реки Припять, а также в ее поречье. К элементам культуры дреговичей, воспринятом от балтов, от-

носятся спиральные перстни, змеиноголовые браслеты, металлические спиральки (ими украшали одежду), подковообразные застёжки, звездчатые пряжки. К балтским истокам восходит захоронение умерших в некоторых местностях территории дреговичей в деревянных домовинах-теремах. В таких погребальных сооружениях мужчин клали головой к востоку, что характерно для погребального обряда балтов. Элементы культуры, воспринятые от балтов, обычно встречаются в северной части территории дреговичей -- в районах, расположенных к северу от реки Припять, т.е. в том регионе, где прежде до появления славян жили балты. Смешанное происхождение дреговичей как результат славяно-балтского синтеза отражает и название этой этнической общности.

Смешанным было и происхождение другой первоначальной восточнославянской этнической общности -- кривичей. В этническом облике кривичей (в том числе и полоцко-смоленских) также преобладали славянские черты. Язык их был славянским. Славянским является и основной тип их украшений -- браслетообразные височные кольца с завязанными концами. Славянскими были также кривичские браслеты, большинство видов перстней (проволочные, гладкие, витые, пластинчатые, рубчатые, щитковые). Отчетливо славянские черты имеет керамика круглых кривичских курганов. Славянские элементы прослеживаются в погребальном обряде кривичей: для значительной части погребений характерно положение умерших головой к западу. Вместе с тем в культуре кривичей заметны и балтские элементы. Их немало среди украшений. Это -- браслеты со змеиными головами, спиральные перстни, шейные гривны балтского типа, головной веночек, состоящий из нескольких рядов спиралек, нанизанных на лыко и перемежающихся пластинчатыми бляхами, лучевые кольцеобразные пряжки, подковообразные застёжки с коническими, многогранными, завернутыми концами. Балтские элементы зафиксированы и в погребальном обряде кривичей: наличие в погребении ритуальных кострищ, иногда захоронение умерших головой к востоку. Смешанное славяно-балтское происхождение кривичей, возможно, отражено и в названии данной этнической общности.

Славяно-балтской по происхождению является и третья первоначальная восточнославянская этническая общность -- радимичи. В их культуре (как у дреговичей и кривичей) были славянские и балтские элементы. Язык -- славянский. В летописи "Повесть вре-

менных лет" указывается на их родство с западными славянскими этническими общностями, расположенными на территории Польши ("быша же радимичи от рода ляхов"). К славянским элементам в культуре радимичей относятся семилучевые височные кольца, височные перстнеобразные колечки, бубенчики, ожерелья из бус, керамика. Славянские черты отчетливо выражены и в погребальном обряде: преобладало захоронение головой к западу. Вместе с тем в археологических памятниках радимичей зафиксированы и балтские элементы. Широко были распространены шейные гривны с заходящими концами, с завершающимися розеткообразными бляхами. К балтским элементам относятся и браслеты со стилизованными змеиными головами на концах, бронзовые спиральки, костяные привески в виде уточек, звездообразные (лучистые) пряжки. Заметны эти элементы и в погребальном обряде радимичей: бытовало также захоронение умерших головой к востоку. О формировании радимичей в результате славяно-балтского синтеза, вероятно, свидетельствует и их название.

Для характеристики кривичей, дреговичей и радимичей важное значение имеет определение типа этих этнических общностей. Он обусловлен уровнем их развития. Основное хозяйственное занятие — пашенное земледелие, в котором используются более совершенные орудия труда (с железными наконечниками). На территории дреговичей железные части пахотного орудия датируют не позднее 9 в., а в ареале кривичей — не позднее 10 в. Прогрессом в земледельческом хозяйстве стало выращивание новой зерновой культуры — озимой ржи.

Одним из условий подъема земледелия, в частности — совершенствования земледельческих орудий труда, явилось стабильное развитие железоделательного производства, кузнечного ремесла. Улучшается их технология. Металлических изделий всех видов производят значительно больше. Дальнейшее развитие получило и гончарное производство. В 10 в. на территории Белоруссии появляется гончарный круг. Совершенствование гончарного ремесла связано с прогрессом в земледелии, повышением эффективности земледельческого хозяйства. Развитие ремесла (в частности, кузнечного) требовало определенной специализации. Обработка железа и глины постепенно становится профессиональными видами деятельности, особыми профессиями. Эти ремесленные занятия начинают отделяться от земледелия. Такое обособление создает благоприятные условия для возникновения постоянной торговли. В 9–10 вв. на территории Белоруссии появляется

устойчивое денежное обращение. Об этом свидетельствуют находки многочисленных кладов монет. Здесь обнаружено 40 кладов, включавших 16 тысяч монет. Особенно богатый клад (более 7500 монет) найден на территории кривичей у д. Козянки под Полоцком.

В результате всех этих важных изменений в 9-10 вв. на территории Белоруссии возникают протогорода: в ареале кривичей в 9 в. — Полоцк, в 10 в. — Витебск. В земле дреговичей в 10 в. построен Туров. Это знаменует собой разложение общинно-родового строя. Протогорода возникали на основе общественного разделения труда, изменения социальной структуры общества, появления в нем знати, которая своими функциями и положением отличалась от остальных жителей поселения. Изменение общественного строя отразилось и в погребальном обряде. Коллективные родовые усыпальницы предшествующей эпохи в 9-10 вв. сменяются небольшими по размерам курганами с семейными захоронениями. В некоторых из них (например, в кургане около д. Борки на Лолотчине) обнаружено около 2000 украшений, свыше 10 изящных костяных уточек-подвесок, 20 бронзовых трапециевидных подвесок, массивная шейная гривна.

Изменение социальной структуры обусловило преобразование системы управления. Родоплеменное управление сменилось политическим. Возникли протогосударства. В общевосточнославянских письменных источниках они называются "княжениями". "Княжения" сформировались у полоцких кривичей, дреговичей. Во главе управления полоцких кривичей, дреговичей стояли должностные лица — князья, занимавшие эти должности по наследству. В общевосточнославянских письменных источниках указаны даже имена этих князей (Рогволод у полоцких кривичей, Тур — у дреговичей). В княжениях имелся аппарат сбора дани. Полоцкие кривичи, вероятно, сначала платили дань варягам, радимичи — хазарам. Кривичи, дреговичи, радимичи перешагнули рубеж общинно-родового строя и вступили в начальный этап раннеклассового общества.

Этнические общности кривичей, дреговичей, радимичей неправильно называть племенами, т.к. в их среде уже не было социального равенства всех членов этнической общности, исчезло родоплеменное деление и управление. Вызывает ряд возражений и название этих этнических общностей "союзами племен". Во-первых, племен как типа этнической общности и социальной организации на территории Белоруссии в 9-10 вв. уже не было, а следовательно, не было базы и для

их союза. Во-вторых, "союзом племен" обычно называют, особенно в этнологической (этнографической) литературе, такие связи между племенами, которые можно охарактеризовать как дружбу, взаимопомощь, определенные совместные обязательства входящих в объединение единиц (например, совместная оборона от нападения). Союзы племен, как правило, основаны на договоре, имеющем определенный срок действия. В союз могут объединиться и неродственные племена, в значительной степени различающиеся своей культурой, языком. Союз племен -- временное объединение, устанавливающее определенные отношения между ними. Кривичи, дреговичи, радимичи были прежде всего культурными общностями, т.е. очень устойчивыми объединениями, возникшими не в результате договоренности. Они -- не племена и не союзы племен, а протонародности начального этапа раннеклассового общества. Но они не превратились в народности. Дальнейшее их развитие осуществлялось под влиянием новых экономических, политических и культурных центров в Среднем Поднепровье и Поволховье. Кривичи, дреговичи, радимичи и другие первоначальные восточнославянские общности были вовлечены в процесс формирования нового этнического образования -- общевосточнославянской общности, этническая территория которой получила наименование "Русь".

В четвертой главе рассматривается процесс преобразования этнических территорий кривичей, дреговичей и радимичей в общевосточнославянскую этническую территорию "Русь". В отличие от предшествующих представлений обосновывается положение о том, что процесс формирования этнической территории "Русь", трансформации и включения в нее территории кривичей, дреговичей и радимичей был более длительным, чем предполагалось до сих пор. Он завершился примерно к середине 12 в., а не к 9-10 вв., как считалось прежде. Процесс трансформации территорий кривичей, радимичей, дреговичей в этническую территорию "Русь" был обусловлен несколькими факторами. Первый -- более раннее (уже в 9-10 вв.) возникновение первоначальных очагов новой этнической территории, носило этноса в регионах, расположенных на юге и севере от территорий дреговичей, радимичей и полоцко-смоленских кривичей, а именно -- в Среднем Поднепровье и в Поволховье. Здесь в 9-10 вв. сложились благоприятные условия для более быстрого возникновения и развития городов, для изменения социальной структуры общества, появления сильных политических организаций, для сращения и сращения прежних этнических общнос-

тей и формирования первоначальных очагов новой этнической общности, получившей название "русов", "русичей", "русинов", "русских", а их территории — "Руси", "Русской земли". Вторым важным фактором явилось возникновение в конце 10 в. — II в. — начале 12 в. на территории Белоруссии новых городов, тесно связанных между собой и с городами Среднего Поднепровья или Поволжья. В южном районе западных восточнославянских земель появляются города Волковыск, Берестье, Пинск, Клецк, Слуцк, Гродно, Новогрудок, Рогачев, а в северном районе западных восточнославянских земель — Заславль, Минск, Борисов, Логойск, Друцк, Лукомль, Браслав, Копыль, Орша. Третий фактор был политическим. Это — включение кривичской, дреговичской и радимичской земель в состав государства "Русь", а также реформа управления его землями, осуществленная в конце 10 в. киевским князем Владимиром. Суть ее состояла в том, что отменялся старый порядок, когда князьями, правителями отдельных областей или княжеств становились иногда представители местной, дорусской знати. С этого времени великими и местными князьями могли быть только представители великокняжеского рода — сыновья великого киевского князя и другие его родственники, т.е. представители русской знати. Князья имели дружины, которые оказывали существенное этническое влияние на остальную знать городских и сельских поселений, способствуя трансформации ее в знать русскую. Сами князья и их дружины выполняли важную коммуникативную функцию как в пределах своих княжеств, так и в рамках всей Руси, связывая население прежде обособленных областей (дреговичей, радимичей, кривичей) не только политически, но и этнически, содействуя формированию общей разговорной речи и духовной культуры. Четвертый важный фактор — появление христианской религии, усилившей общие черты в религиозном комплексе верований и обрядов, а также в других сферах жизни местного населения (общественной, семейной, в профессиональном искусстве).

Процесс трансформации кривичей, дреговичей и радимичей, их консолидации в общевосточнославянскую этническую общность, а их территорий — в общевосточнославянскую этническую территорию "Русь" завершился только к середине 12 в. К этому времени вышли из употребления названия прежних этнических общностей — кривичей, дреговичей и радимичей. Последнее упоминание о дреговичах как этнической общности относится к 1149 г., о кривичах — к 1162 г., о ра-

димичах -- к 1169 г. Эти названия заменяются общими -- "руси", "русичи", "русины", "русские", а название земель -- "Русью", "Русской землей". В "Повести временных лет" (первая половина 12 в.) Полоцк назван уже русским городом, так же, как и Переяславль, Киев, Чернигов. В скандинавской саге первой половины 13 в. отмечается, что город Полоцк находится на Руси, так же, как Смоленск, Новгород и Киев, а жители Полоцка называются русскими людьми. В договоре полочан с рижанами в первой половине 14 в. (1338-1341) Полотчина также названа "Русской землей". "Русью" называлась не только Полотчина, но и территория Поприпяты, в том числе -- левобережного с городами Пинском, Туровом. В письменных источниках указывается также, что "Русью" именовались Витебщина и Оршанщина.

В пятой главе исследованы локальные различия в языке и культуре восточнославянского населения западной Руси. Эти различия возникали в новых экономических, политических условиях и поэтому не совпадали с территориями прежних этнических общностей, существовавших до их консолидации в общевосточнославянский этнос. Формирование локальных особенностей языка и культуры общевосточнославянского этноса в ранний период этнической истории Руси было обусловлено прежде всего появлением двух наиболее важных экономических, политических и культурных районов Руси -- Среднеднепровского и Поволховского, которые составили Нижнюю (Южную) и Верхнюю (Северную) Русь. В южную зону входила территория Среднего Поднепровья, а также тяготеющие к нему экономически, политически и культурно Поприпяты и Волинь. Частью южной зоны Руси в ранний период ее истории являлись некоторые южные районы территории нынешней Белоруссии, расположенные к югу от верхнего Немана. В этих районах находились города Рогачев, Слуцк, Клецк, Новогрудок, Гродно, Берестье, Пинск, Туров. В северную зону входила территория Поволховья, Поковщина, Верхнего Поднепровья, Подвинья. Она включала Полотчину, Витебщину и некоторые районы, расположенные к югу от Полотчины и Витебщины, с городами Заславль, Минск, Борисов, Друцк. Ареал северной зоны, возможно, доходил до бассейна верхнего Немана.

В южной зоне в разговорной речи восточнославянского населения типичными были слова "пуца", "гай", "жито" (в значении рожь), "волна" (шерсть), "постолы", "черевики", "лагодити" (делать приятным), "жадати" (желать). В разговорной речи восточнославянского населения северной зоны этих слов не было. Зато для северной

зоны типичны слова "наволоа" (заливной луг), "пожня" (сенокосный участок), "блиды" (грибы), "жyto" (в значении ячмень), "поршни" (вид обуви). В южной зоне в речи использовали союз "та", который не был характерен для северной зоны. Союз "а" в южной зоне употребляли только в соединительном значении. В южной зоне звук "г" был фрикативным, в северной — взрывным. В южной звуки "ч" и "ц" четко различались, в северной они совпадали. Северная зона отличалась от южной и некоторыми особенностями одежды, обуви. В первой распространены рубахи с "косым" разрезом ворота, во второй — с "прямым". В северной зоне бытовали лапти косого плетения, в южной господствовали лапти прямого плетения. В южной создаются былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче (киевский цикл), в северной — о Садко, Василии Буслаевиче (новгородский цикл). В северной зоне в большей степени, чем в южной, почитали Белеса (Волоса), в южной особенно чтили Хорса и Семаргла.

В поздний период этнической истории Руси, который начинается с середины 12 в., продолжается весь 13 и заканчивается примерно серединой или второй половиной 14 в., территория внешней Белоруссии по лингвистическим и культурным чертам не выделялась в особый регион. Она подразделялась на две диалектно-этнографические области: "южную" и "северную". "Южную" составляло Поприпятье, т.е. территория, расположенная по обе стороны р. Припять, включающая районы современного Украинского и Белорусского Полесья в бассейне этой реки с примыкающими к Поприпятью районами современного Белорусского Полесья. К "северной" диалектно-этнографической зоне относились Подвинье и Верхнее Поднепровье с районами, расположенными к северу от этой территории (Псковский, Тверской край).

В "южной" области для разговорной речи было характерно "оканье", преобладание твердых согласных звуков "р" и "ч", отсутствие смягченного согласного "д", появление дифтонгов "yo, ie". В материальной культуре "южная" диалектно-этнографическая зона отличалась от северной распространением особого типа сохи, получившей в научной литературе название "полесской", своеобразной формой гумна, отсутствием такой постройки, как баня, а в социальной и духовной культуре — более развитыми формами караванных обычаев и обрядов и их большим значением в свадебном цикле, своеобразием календарной обрядности. Регион, центром которого является Поприпятье, наряду с большим лингвистическим и культурным сходством его

населения обнаруживает также большое антропологическое единство, составляя "полесский" вариант восточноевропейского антропологического типа. У населения данного региона сходны пигментация волос и глаз, ширина лица, вогнутость спинки носа, головной указатель. В то же время оно отличалось по этим признакам от населения Подвинья и Поднепровья.

Культурное своеобразие поприпятского региона было замечено уже в поздний общевосточнославянский период. Именно в это время появляется и название для этого региона -- "Полесье". "Полесье" в значении особого культурного региона впервые встречается в Ипатьевской летописи, основой для которой послужили письменные памятники позднего древнерусского периода, появившиеся в южной зоне общевосточнославянской этнической территории. В соответствии с данными этой летописи термин "Полесье" для обозначения поприпятского культурного региона битовал уже в 13 в. Он датируется в летописи 1274 г. С поздней общевосточнославянской эпохи, вероятно, бытует и название жителей этого региона как производное от наименования территории. Наиболее распространенный термин -- "полешуки" (или его местный вариант -- "полешуки").

Кроме полесского региона, в поздний общевосточнославянский период формируется и подвинско-днепровский, для которого характерно преобладание мягких огласных "р" и "ч", отсутствие дифтонгов "уб, 1е", появление смягченного согласного звука "д" ("дзеканье"), "аканье". Его отличает также соха с перекладной полицей, гумно с сушилкой, наличие бани, "столовая" песня (ее начинали свадьбу), более стойкое сохранение волочебных обрядов (ими прежде отмечали весенний Новый год). Население подвинско-днепровского региона было единым и антропологически, отличаясь от полесского региона своеобразием внешнего облика: более светлая пигментация волос, более широкое лицо, более вогнутая спинка носа, меньший головной указатель. По антропологическим признакам это население представляло валдайско-верхнеднепровский вариант восточноевропейского антропологического типа.

Культурное своеобразие подвинско-днепровского региона было замечено уже в поздний общевосточнославянский период. В отличие от поприпятского ("Полесье") он был назван "Белой Русью". По данным В.Н.Татищева, утвердившееся постепенно наименование "Белая Русь" охватывало территорию от верховья Западной Двины и верховья

Западной Двины и верховья Болги до верховья Немана, включая в свой ареал, в частности, Тверской, Смоленский, Друцкий и Мстиславский края. Подвинско-днепровский регион получил название "Белая Русь" в период политической раздробленности Руси (не позже 13 в.). В 14 в. это название подвинско-днепровского региона, судя по письменным источникам и данным восточнославянского фольклора, уже закрепилось. Первой четвертью 14 в. (1318 г.) датируется название "Белой Русью" Витебщины. Примерно к этому же времени (1325 г.) относится и наименование "Белой Русью" части западной территории подвинско-днепровского региона, расположенной к востоку от этнической Литвы. Это свидетельство содержится в Ипатьевской летописи. Самое известное из всех наименований подвинско-днепровского культурного региона "Белой Русью" содержится в письменном памятнике "Хроника Польши". Оно датируется 1382 годом. Польский летописец Янка из Чарькова, повествуя о пребывании князя Ягайло с матерью в Полоцке, называет его крепостью Белой Руси. Это же название встречается и в волочевых песнях (в частности, в песне, записанной на Витебщине). В пределах этнической территории северо-восточнославянской общности название подвинско-днепровского региона "Белая Русь" приобретало значение средней Руси. Для обозначения обширной части этнической территории Руси между Волгой и Северной Двиной употребляли название "Великая Русь", имевшее в то время значение верхней, северной Руси.

В шестой главе прослеживается процесс возникновения белорусской этнической территории, выявляются конкретные причины этого исторического явления, первоначальный центр и время, когда осуществлялся этот процесс, основные его аспекты.

Возникновение белорусской этнической территории было обусловлено прежде всего тремя важнейшими факторами — историческим, экономическим и политическим.

Исторический выражался в изменении внешних условий развития Попрятья, Пономанья, Подвинья и Верхнего Поднепровья. С 13-14 вв. и по 15-16 вв. на эти земли с запада нападали крестоносцы, а с востока — татары. Необходимость отпора агрессорам, совместная борьба против них способствовала сплочению восточнославянского населения этих земель и тех групп восточнославянского населения, которые оказались в этих землях под натиском агрессоров, либо, как татары, были поселены в этом крае.

Вторым фактором явилось изменение экономических связей данных земель, более быстрое развитие в этот период экономики Понеманья, Минщины, Могилевщины, становление более тесных связей этого региона с поприпятскими и подвинскими землями. Оно было обусловлено тем, что Понеманье, Минщина и соседнее с ней Поднепровье по сравнению с Поприпятьем и Подвиньем находились дальше от внешних врагов (татар и немцев), реже подвергались нападениям и разорениям, были менее уязвимы. Поэтому в центральном регионе в 13—16 вв. бурно развивались возникшие прежде города Новогрудок, Гродно, Минск, а также новые — Могилев, Речица, Лида, Несвиж, Слоним и др. Самым крупным среди появившихся в 13—14 вв. городов, располагавшихся на территории современной средней (или центральной) Белоруссии, был Могилев. Уже в 13 в. здесь построен замок, вокруг которого в 14—16 вв. сформировался большой город. Он быстро рос в 15—16 вв., а также в первой половине 17 в. В 15—16 вв. он стал крупным ремесленным, торговым и культурным центром. В конце 16 в. — начале 17 в. Могилев превратился в самый крупный город не только Поднепровья, но всего центрального региона, всей территории современной средней Белоруссии. Занимая такое важное место в регионе по степени экономического развития, он превосходил все города Поприпятья и Подвинья. Бурный экономический рост Могилева в 15—16 вв. обусловлен его положением в системе территориальных экономических (торговых) связей того времени. Он стал экономически связующим звеном между подвинско-днепровскими ("белорусскими") и поприпятскими ("полесскими") землями. Через Могилев проходили торговые пути с севера на юг и с востока на запад. В северном направлении от него шли дороги на Оршу, Витебск, в южном — на Речицу, Бобруйск, Мозирь. В восточном направлении Могилев был связан дорогами с Мстиславлем, Кричевом, в западном — с Борисовом и Минском.

На территории от Припяти до Западной Двины и от Немана до Днепра с Сожем сформировалась новая система территориальных экономических (торговых) связей. Интегрирующую роль выполнял центральный регион. Именно он связал эти земли экономическими узлами, установил с ними более тесные территориально-экономические связи.

Третьим важным фактором возникновения белорусской этнической территории был политический — появление в 13 в. нового крупного государства — Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского и расположение в центральной его части Понеманья, Минщины и

соседнего с ней Поднепровья. Это не только мешало татарам и немцам совершать набеги на данную территорию, но и позволяло восточнославянскому населению быстрее, лучше, эффективнее организовать оборону, дать отпор агрессору, сплачивало восточнославянское население не только экономически, но и политически.

Выгодное положение центрального региона, его быстрое экономическое развитие было причиной переселения сюда отдельных групп восточнославянского подвинско-днепровского населения — с одной стороны, и поприпятского — с другой, что доказывается как названиями ряда населенных пунктов (Полочаны, Туровщина), так и антропологическими данными. По антропологическим признакам восточнославянское население центрального региона занимает промежуточное положение между населением северо-восточной ("витебской") и западнополесской зон. Сюда же переселилась часть балтского (прусов, жемайтов, ятвягов) и западнославянского (польского) населения. Здесь была поселена группа татар. Отдельные группы не восточнославянского населения поселились также в подвинско-днепровском и поприпятском регионах. Большая часть его (за исключением обособленной германоязычной еврейской этнической группы) была ассимилирована восточнославянским населением, оказав, однако, некоторое влияние на белорусский язык, в частности — на его лексику.

Произошло смешение полесского и подвинско-днепровского восточнославянского населения, диффузия ряда элементов их разговорной речи и культуры: поприпятских ("полесских") — в северном направлении — в центральный и подвинско-днепровский регионы, а подвинско-днепровских ("белорусских") — в южном направлении — в центральный и поприпятский регионы. Так образовалась белорусская разговорная речь, ее фонетическая система. В разговорной речи населения поприпятских, понеманских, подвинских и поднепровских земель сформировался ряд общих черт, которые в их совокупности и комбинации с другими элементами речи стали отличать ее от языка населения соседних восточнославянских ареалов, находившихся на юге и юго-востоке, и на севере и востоке. Решающую роль в ее формировании сыграл центральный регион — понеманские и поднепровские земли, которые стали центром притяжения ряда черт разговорной речи поприпятского населения — с одной стороны, а с другой — подвинского. Произошло смешение, соединение некоторых южных (поприпятских) и северных (подвинско-днепровских) элементов разговорной

речи. Эти же центральные земли способствовали и распространению северных элементов речи дальше на юг, в поприпятские земли, а южных -- на север, в подвинские земли, поскольку центральные были тесно связаны экономически и политически как с первыми, так и со вторыми. В 15-16 вв. с юга на север более широко распространяются твердые согласные звуки "р" и "ч", а с северо-востока на юго-запад продвинулся смягченный согласный "д", "аканье". Комплекс черт новой фонетической системы наиболее полно выражен в центральном регионе. Именно здесь прежде всего произошло смешение, соединение северных (подвиноско-днепровских) и южных (поприпятских) элементов восточнославянской речи. Образование среднебелорусских говоров отражено в письменном памятнике 16 в. -- Статуте Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского 1529 г., различных его списках, особенно Слудком (80-е гг. 16 в.). Не позже 16 в. сформировались и комплексы фонетических черт белорусских северо-восточных и юго-западных говоров. В 15-16 вв. в северной зоне "полесского" региона, в центральном регионе и южной зоне подвиноско-днепровского ("белорусского") региона закрепилось морфологическое своеобразие нового восточнославянского языка. В нем гораздо чаще стали употребляться суффиксы "к", "ак" ("як") и др., а также появились новые суффиксы "чин", "о" и др. Некоторые слова прежнего общевосточнославянского языка изменили свое значение. Возникло немало новых слов ("дрыгон", "сведка" и др.). Часть слов была заимствована новым славянским языком из разговорной речи не восточнославянского населения -- западнославянского (польского), балтского, тюркского. Таким образом, данные лингвистики (как в фонетике и морфологии, так и в лексике) дают основание сделать вывод, что в 15-16 вв. в северной зоне поприпятского региона, центральном регионе и южной зоне подвиноско-днепровского региона сформировалась система нового восточнославянского языка, т.е. возникла одна из важнейших черт белорусской этнической территории.

В этот период в данном ареале сформировался также новый комплекс материальной и духовной культуры: широко распространяется погонный тип двора, изменяется планировка сел и деревень, возникают новые типы сельских поселений -- околица, застенки. В женской одежде появляется выдарах -- шерстяная юбка, сшитая из нескольких кусков ткани, передник (фартук). Эти предметы распространяются сначала в западных, а затем в восточных районах поприпятского, централь-

ного и подвинско-днепровского регионов. В 16 в. в этих трех регионах появляются новые музыкальные инструменты — скрипка, цимбаль, лира, дуда. Несколько раньше (с 13-14 вв.) в этот ареал начал проникать католицизм. К середине 16 в. было построено уже 176 костелов. Большинство их располагалось в западных землях, пограничных с этнической Литвой и Польшей. Католицизм проникал в основном из Польши. От поляков был воспринят новый календарь, отдельные предметы одежды (андарак). Под влиянием польского населения в поприпятских, понеманских, подвинских и поднепровских землях возникли названия населенных пунктов Ляхи, Ляховичи, Ляховица, Ляховщина, в белорусский язык вошли слова "абавязак" (обязанность), "згода" (согласие), "будаваш" (строить) и др. Балтское влияние на поприпятские, понеманские, подвинские и поднепровские земли выразилось в названиях населенных пунктов Прусы, Прусиничи, Прусщина, Ятвязь, Жомойдзь, Литва, Латиголь и др. В белорусский язык вошли также балтские слова "ёуня" (овин), "клуня" (гумно), "пуня" (сарай для сена), "свіран" (клеть) и др. Следы тюркского влияния на поприпятские, понеманские, подвинские и поднепровские земли прослеживаются в названиях ряда населенных пунктов (Татары, Тагарщина и др.). Из речи татарского населения в новый восточнославянский язык проникли слова "атаман", "казак", "ямлик" и др. Значительная часть невостонославянского населения — западнославянского (польского), балтского, а также тюркского (татарского), проживавшего в поприпятских, понеманских, подвинских и поднепровских землях в позднем средневековье, постепенно утратила свои этнические свойства, была ассимилирована, влилась в новый восточнославянский этнос.

В результате взаимодействия поприпятской и подвинско-днепровской восточнославянских групп, их сплочения с невостонославянскими (западнославянской, балтской, тюркской), диффузии элементов языка и культуры на обширной территории, расположенной между Припятью на юге и Западной Двиной на севере, Неманом на западе и Днепром с Сожем на востоке, к середине 16 в. сформировался новый комплекс культуры и связанная с ним система языка. Все это свидетельствовало о появлении существенных черт новой восточнославянской этнической территории. Они стали основой формирования ее третьего составного компонента, третьей черты — общего названия. Им стал термин "Белая Русь".

Прежнее значение этого термина изменяется. Им постепенно пе-

рестали называть территорию Поксвищин, Тверского края, а затем и части Смоленщины. Восточнославянское население этих земель вошло в состав упрочившегося к этому времени Московского государства и в рамках этого крупного политического объединения было вовлечено в формирование нового восточнославянского этноса — великорусского. Его этническую территорию стали называть "Россией". Синонимом этнонима "Россия" стал термин "Беликая Русь", изменивший свое прежнее (более узкое) значение как части общевосточнославянской этнической территории, расположенной к северу от Волги. Он стал обозначать всю этническую территорию великорусского народа: ее северную, центральную и южную части.

Термин "Белая Русь" прочно сохранялся в южной зоне подвинско-днепровского региона, этнический характер которой в 15-16 вв. изменился. Она стала составной частью территории нового восточнославянского народа (белорусского). Название "Белая Русь" в этом регионе уже имело значение части белорусской этнической территории. В 16 в. (особенно с середины и второй половины 16 в.) термином "Белая Русь" стали обозначать также территорию центрального региона (Минщину, Гродненщину), а затем и северную зону бывшего поприпятского региона, вплоть до р. Припять. Начало общепольского значения названия "Белая Русь" можно отнести ко второй половине 16 в., ко времени Люблинской унии (1569). По утверждению польского исследователя В.Манчака, новое значение этого термина отразилось в решениях Люблинского сейма 1569 г. Согласно постановлению сейма и изданному на его основе универсалу польского короля Сигизмунда Августа Подлясье и Волынь были включены в состав Польского государства. Одна из мотивировок — утверждение, что данные земли являются польскими и не относятся к "Белой Руси". "Белая Русь", следовательно, начинается с полесских болот и простирается далее на север от них, на север от Припяти. То, что "Белой Русью" в позднем средневековье стали называть и южные районы современной Белоруссии, подтверждают, вероятно, и данные восточнославянского фольклора. Они, в частности, указывают, что "Белой Русью" в период возникновения казачества и казацких песен (не позже 16 в.) называется уже и Речицкий край, расположенный на юго-востоке современной Белоруссии (на Гомельщине). С тем, что термин "Белая Русь" в позднем средневековье распространился и на северную зону поприпятского региона, пишут польские авторы первой половины 17 в. Си-

меон Старовольский и Александр Целларий. Первый в сочинении "Польша, или Описание королевства Польского" называет земли, расположенные в бассейне рек Припять и Стирь, "Белой Русью", отмечая, что "Червоная Русь" граничит с севера с "Белой Русью", лежащей при реках Стире и Припяти". Второй в сочинении "Описание царства Польского" указывает, что восточнославянские земли, включенные в состав Польского государства, на севере граничат с "Белой Русью" и отделяются от нее р. Припять. Весьма определенно употреблено название "Белая Русь" в значении этнической территории, простирающейся от границы Московского государства до границы Польского королевства, в Густынской летописи, составленной в 17 в. в Густынском Прилуцком монастыре, расположенном на территории Украины.

В седьмой главе критически анализируются "польская", "великорусская", "балтская" и "кривичская" концепции возникновения белорусской этнической территории, взгляды Е.Карского, В.Пичеты, М.Гринблата по данной проблеме, обосновывается вывод о том, что эти взгляды основаны на одностороннем понимании этнических процессов, сводят их только к упрощенной эволюции или миграции, игнорируют роль диффузии в этнических процессах, перегруппировку компонентов культуры и языка. Авторы не учитывают сложности процесса образования языка как системы, формирующейся одновременно с возникновением его основных диалектов. Они не используют всего круга источников по данной проблеме. В.Седов и М.Гринблат, например, не анализировали данных экономической и политической истории, а В.Пичета данных этнографии и антропологии.

В заключении изложены выводы исследования.

На защиту выносятся следующие основные положения.

1. Этническая территория белорусского народа -- сложное структурное образование, составными частями которого являются комплекс культуры и связанная с ним система языка и название.

2. В возникновении этнической территории белорусского народа важную роль сыграли как эволюционные процессы, так и диффузия элементов культуры и языка.

3. Нет фактических оснований считать достоверными положения о финском, балтском и польском субстратах в формировании белорусской этнической территории.

4. Непосредственными истоками белорусской этнической территории были южная часть подвинско-днепровской и северная часть по-

припятской диалектно-этнографических зон общевосточнославянской этнической территории.

5. Центром, ядром формирования Белорусской этнической территории была ее средняя часть — понеманские и поднепровские земли.

6. Белорусская этническая территория возникла в 15–16 вв.

7. Первоначальным общим названием белорусской этнической территории стал термин "Белая Русь".

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. Возникновение Белоруссии: Новая концепция. — Минск: Беларусь, 1991. — 9,73 п.л.

Рец.: Вестник Белорусского государственного университета им. В.И.Ленина. Серия 3. 1991. № 3; Известия Академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 1991. № 6.

2. Этнография Белоруссии. — Минск: Вышэйшая школа, 1981. — 10,49 п.л.

Рец.: Советская этнография. 1984. № 2; Народна творчість та етнографія. 1985. № 3.

3. Этнография в краеведении // Историческое краеведение Белоруссии. — Минск: Изд-во БГУ им. В.И.Ленина, 1980. — 1,5 п.л.

4. Из истории изучения белорусской этнографии и фольклора // Вопросы истории древнего мира и средних веков. — Минск: Изд-во БГУ им. В.И.Ленина, 1970. — 0,9 п.л.

5. Белорусская этнографическая литература о народных (дохристианских) верованиях // Вопросы истории древнего мира и средних веков. — Минск: Изд-во БГУ им. В.И.Ленина, 1974. — 0,8 п.л.

6. О древнерусской народности // Перестройка и межнациональные отношения. — Минск: Беларусь, 1989. — 0,3 п.л.

7. В энциклопедии "Этнографія Беларусі" (Мінск, 1989) статьи: Дифузіянізм, Структуралізм, Эвалюцыйная школа, Этнакультурныя працэсы, Новы год, "Каза", Валачобнікі и др. — 3,5 п.л.

8. Статты Зяленія Д.К., Маслава Г.С., Токарава С.А., Дажьбог, Пярун, Сварог, Сварожыч, Кр'я, Ярыла и др. // Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі (у 5-ці тт. Мінск, 1984–1987). — 2,3 п.л.

9. Рецензии на книгу "Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры // Советская этнография. 1989. № 1. — 0,8 п.л.

10. Роль эволюции и диффузии в истории традиции // Тезисы до-

кладов Всесоюзной научной конференции "Традиции в многонациональном обществе. --- Минск, 1990. --- С. 153-154.

11. Рецензия на книгу Тегакко Л.И. и Саливон И.И. "Основы современной антропологии" // Вестник БГУ им. В.И.Ленина. Серия 3. 1990. № 2. С. 77.

12. Традиции и современность в новогодних обычаях и обрядах украинцев // Народна творчість та етнографія. 1980. № 1. --- 0,3 п.л.

13. Рецензия на книгу Э.М.Загорюльского "Древняя история Белоруссии" // Неман. 1978. № 9. С. 181.

14. Народная сельскохозяйственная техника белорусов // Известия АН БССР. Серия общ. наук. 1975. № 5. С. 137-138.

15. Этнография восточных славян // Научно-реферативный бюллетень. Серия 5. 1988. № 9. --- 0,3 п.л.

Библиография

Подписано в печать 04.II.91.

Бумага писчая № 1

Усл.печ.л. 2,25

Тираж 100

Зак.304

Формат 60x84,1/16.

Печать офсетная.

Учет.изд.л. 2,09

Бесплатно.

Отпечатано на роталпринте ЦДБ АН БР. 220601, Минск,
ул. Сурганова, 15.

466916

AB 25.381

42

42